ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ МАРГУ

FENNO-UGRICA
1

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВ, ЛИТЕРАТУР И ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Труды Института финно-угроведения

Выпуск V

ЙОШКАР-ОЛА, 2008

УДК 81+82+398
ББК 81.66+83.3(2)
Ф 60

Печатается по решению ученого совета
Института финно-угроведения МарГУ

Рецензенты:
В.Н. Васильев, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка Института финно-угроведения;
С.С. Сибатрова, канд. филол. наук, зав. отделом языка Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Редакционная коллегия серии:
И.С. Иванов, канд. филол. наук, проф.;
Е.Н. Мустаев, канд. филол. наук, проф. (науч. редактор);
З.К. Иванова, канд. филол. наук, доцент (составит.);
Л.Е. Шабдарова, канд. филол. наук, доцент

Ф 60 **Fenno-Ugrica 1:** Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-Поволжья: Труды Института финно-угроведения, вып. 5, посвященный 60-летию д-ра филол. н. проф. Куклина Анатолия Николаевича / Мар. гос. ун-т. Ин-т финно-угроведения. – Йошкар-Ола: МУП «Сельские вести», 2008. – 228 с.: ил.

ISBN 978-5-900405-83-6

Fenno-Ugrica 1 – продолжающееся издание трудов Института финно-угроведения.

Пятый выпуск, включающий в себя статьи и исследования по волжско-финским, пермским и тюркским языкам народов Урало-Поволжья, ономастике, литературоведению и фольклористике, посвящен 60-летию профессора А.Н. Куклина.

Издание адресовано студентам и аспирантам филологических специальностей, учителям языка и литературы, краеведам, специалистам по финно-угроведению и тюркологии, а также всем тем, кто интересуется языками, литературой и устным поэтическим творчеством народов Урало-Поволжья.

УДК 81+82+398
ББК 81.66+83.3(2)

ISBN 978-5-900405-83-6

© Коллектив авторов, 2008
© Институт финно-угроведения, 2008

Пирылä *пӧм пырыт.*	Как собаки, скалят зубы.
Нинылы кӧ ылыт?	Кто они?
Нинылы – фашистылä.	Они – фашисты.
Нинылы ***бандитылä.***	Они – бандиты.
Вӧр ышман ***пивлä.***	Кровожадные собаки.
Пиш кого ***хирвлä.***	Дикари великие.
Паян йыхын кидвлä.	Руки богатеев.
*Тышман-****паразитылä*** [2: 33]...	Враги-паразиты...

Основную часть синонимического ряда составляет лексика разговорного стиля: *шиаш, лыпшаш, шелäш, шелыштäш, севäлäш, йынгысäш, пачкаш, рашкалташ, луцкаш* с общим значением ‘бить, колотить, стрелять’.

Тӧрӧк шӧмышкыштылы целен,	Прицеливаясь в их сердце,
Тӧр лыдышем нынылм ***шип*** [2: 36].	Бил мой верный стих.
– Тӧр наводка доно, тäнгвлä,	– Прямой наводкою, друзья,
Цилäн ***пачкыда*** *икань* [2: 28]!	Стреляйте все, как один!

Примеры синонимов на военную тематику в произведениях Г. Матюковского представлены индивидуально-авторскими и анонимными метафорами, лексемами и выражениями из разговорного стиля, передающими оценку описываемых явлений образными словами автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матюковский, Г.И.* Айырен нälмы лыдышвлä дä поэмывлä / Г.И. Матюковский // И.И. Горный дон Е.Я. Яковлева погеныт. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1996. – 296 с.
2. *Матюковский, Г.И.* Кым эргы / Г.И. Матюковский. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1974. – 88 с.
3. *Розенталь, Д.Э.* Современный русский язык: учеб. пособ. – 2-е изд. / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М.: Междунар. отн., 1994. – 560 с.
4. *Саваткова, А.А.* Словарь горного наречия марийского языка / А.А. Саваткова. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. – 236 с.

Т.Ю. Репина
Ижевск

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ

В описательных грамматиках вопрос об императивных высказываниях возникает при классификации предложений по коммуникативной установке (целям высказывания) на повествовательные, побудительные и вопросительные. При этом наклонение характеризуется как грамматическая кате-

гория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом и выражающая оценку реальности связи между действием и субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи [3: 581].

Авторы монографии «Семантика и типология императива» уточняют это определение. По их мнению, «наклонение выражает точку зрения говорящего относительно реальности/нереальности сообщаемого факта, так как формы разных наклонений не обозначают отношения между сообщаемым фактом и его участниками. А именно в индикативе излагается точка зрения говорящего на сообщаемый факт как сопутствующий, предшествующий или будущий реальности» [8: 64].

Из этой системы явно выбивается императив, что создает огромное поле деятельности для лингвистов. Еще Р. О. Якобсон заметил, что «подлинный императив обособляется от остальных глагольных категорий». В. В. Виноградов отмечал, что «императив находится в периферии глагольной системы: интонация, синтаксические значения, строение повелительного наклонения решительно выдвигают его из общей системы глагола и других наклонений» [3: 459].

В теоретических концепциях первой половины XX в., как отмечает В. С. Храковский, повелительным предложениям уделялось относительно мало внимания, несмотря на то, что они составляют значительную часть речевой продукции человека и с их помощью регулируется общественно-производственная деятельность. Как и предполагают, это связано с тем, что язык моделировался как система, относительно независимая от говорящего человека. Исследователей в основном интересовало устройство языка, а не проблемы его использования человеком, а также кажущаяся простота структуры повелительных предложений не привлекала исследователей [10].

В свете же нового подхода к языку как к средству коммуникации возникает проблема делового общения и правил, которые надо соблюдать в процессе речи [7: 6]. Поэтому с коммуникативной точки зрения императив определяется как некая форма или особое наклонение, противопоставленное индикативу как косвенное прямому, со значением апелляции, т.е. прямого волеизъявления говорящего относительно исполнения называемого действия, направленное на преобразование ирреальной ситуации в реальную. Таким образом, мы имеем «реальность в перспективе» [2: 81]. При этом императивный предикат включает в себя: а) акт волеизъявления, при котором говорящий берет на себя роль субъекта волеизъявления и направлен на слушателя, на которого возлагается роль посредника или исполнителя; б) конкретное лексическое значение данного волеизъявления [2: 81].

Сами императивные высказывания, обязывающие, запрещающие, разрешающие выполнить некоторое действие, относятся к нормативным высказываниям, прескриптивное содержание которых определяется отношениями в момент побуждения между двумя объектами, из которых первый обязывает второго выполнить/не выполнить каузируемое действие [1: 32], и мы имеем следующих участников речевого акта: говорящего-прескриптора и слушателя-исполнителя.

В языке, в том числе и в удмуртском, который является объектом нашего исследования, императивный предикат выражается главным образом глагольными словоформами прямого повелительного наклонения, называемыми прототипическими или ядерными, представляющими ядро данной категории (или центр ФСП императивности по А. В. Бондарко). Безусловно, это формы глаголов 2-го лица единственного и множественного числа, побуждение в которых непосредственно адресуется слушателю-исполнителю, что обусловливает ситуацию прямого общения. С морфологической точки зрения такие формы являются синтетическими, т. е. грамматическое значение побуждения передается посредством одной глагольной словоформы, и в речи реализуются согласно формуле:

I. А – Говорящий (= Прескриптор) – Б – Слушающий (= Исполнитель).

В удмуртском языке данная модель императивного высказывания осуществляется предложением, где сказуемое выражено глаголом в форме повелительного наклонения 2-го лица единственного или множественного числа. ***Мын, кытчы мынэмед потэ.*** 'Иди, куда хочешь'. ***Вузалэ валдэс.*** 'Продайте коня'.

Форма единственного числа совпадает с основой инфинитива, поэтому является немаркированной: *мын-ыны* 'идти' – *мын* (2 л. ед. ч.); показателем же множественного числа 2-го лица является суффикс -э *(-е)/-а* или *-лэ: мын-э(-лэ), уж-а(-лэ).* Данную манифестацию повелительного значения в удмуртском языке считают ядерной, основной, а иногда и единственной. Например, Т. И. Тепляшина выделяет только вышеуказанные словоформы императива, а В. И. Лыткин приходит к выводу, что в пермских языках находит отражение лишь минимальное количество словоформ императива – 2 (2Sg/Pl), в то время как в индикативе 6 личных форм [5: 270; 6: 275]. Грамматика современного удмуртского языка в свою очередь не согласна с таким категоричным утверждением и приводит достаточно разнообразные аналитические и синтетические формы выражения императивности [4: 33].

Анализ вышеназванных работ показал, что исследованию в свое время подвергались в основном глагольные формы, но, как справедливо отмечает в своей работе Микушев Р. А., список словоформ, передающих значение волеизъявления, далеко не полон. Учитывая все это разнообразие языко-

вых средств и, исходя из этических, этикетных и др. соображений, предполагается включить в данную группу другие различные способы передачи волеизъявления, так как они не составляют большинства среди волеизъявительных форм в обычной речи. Именно поэтому автор предлагает пользоваться более нейтральным термином «побудительные средства» [6: 6].

Таким образом, выражая солидарность в употреблении данного термина, «Грамматика современного удмуртского языка» в свою очередь категоричным утверждением приводит достаточно разнообразные аналитические и синтетические формы побудительных средств [4: 33]: форма глагольной словоформы 1 лица с суффиксами *-м I -ме,* которые по своей семантике выражают призыв к совершению действия в будущем. При этом обычно имеется в виду, что в исполнении данного действия будет участвовать и само говорящее лицо [4: 33].

Выд-о-ме но из-ё-ме 'Давайте ляжем и поспим', или *Выд-о-м но из-ё-м* 'Давай ляжем и поспим', т. е. говорящий=прескриптор (я) – слушатель = исполнитель (я + мы). Данные примеры выражают не категоричное волеизъявление, а призыв, как было отмечено выше.

Следует заметить, что довольно часто подобные глаголы-сказуемые сочетаются с частицами *ойдо/ойдолэ* 'давай/давайте', *вай/ваелэ* 'давай/давайте' и т. д., которые тоже содержат в себе семантику совместного действия и являются морфологически маркированными. Например, *вай-∅* (2 л. ед. ч.), *ва-е(-лэ)* (2 л. мн. ч.), *ойдо-∅* (2 л. ед. ч.), *ойдо-лэ* (2 л. мн. ч.): *Ойдо выдам но изём* 'Давай ляжем и поспим', *Ойдолэ выдам но изём* 'Давайте ляжем и поспим'.

Сюда же следует отнести императивные высказывания, где глагольная словоформа выражена будущим временем, т.к. это не противоречит тому, что действие направлено на преобразование настоящего в будущее [2: 81]: *Мон сьӧры* ***мынод,*** *сузэрдэ* ***возьматод!*** 'Поедешь со мной, сестру покажешь!' *Нырысь* ***гыроды,*** *собере* ***шутэтскоды!*** 'Сначала вспашите, потом отдохнете!'

За счет синтагматического фразового ударения данные глагольные формы выражают довольно категоричное повеление-приказ. Часто в письменной речи такие предложения являются восклицательными.

В удмуртском языке также используются и другие побудительные средства. Прежде всего, это аналитические конструкции типа частица + глагол, где частица относится к соответствующему семантическому классу [10: 43], т. е. она выражает волеизъявление, призыв или побуждение. Глагол же, в свою очередь, формально представлен в будущем времени, что не противоречит семантике императива в целом, т. к. каузируемое действие всегда направлено на реализацию нереального или это есть «перспектива в будущем» [2: 80]. Сюда же входят формы других наклонении, различные части речи и др., где часто слушающий 2-го лица не является исполнителем

действия, но побуждение адресовано 1-му или 3-му лицу. В этой связи существует полемика среди лингвистов, относить ли данные формы к императиву. В этой проблеме ставит точку над i Л. А. Бирюлин. Суть его высказывания сводится к тому, что данные императивные высказывания, во-первых, имеют значение побуждения, во-вторых, в них просто меняются речевые роли, т.е. это ситуация косвенного побуждения; и в-третьих, это есть чистые аналитические формы императива, которые представлены по модели *II. А – Говорящий (=Прескриптор) – Б – Слушающий (≠ Исполнитель).*

Приводимая здесь речевая формула реализуется в побудительных предложениях, в которых глагол-сказуемое состоит из частицы *мед* (пусть) и глагольной словоформы, которая совпадает с формой будущего времени в индикативе. Это аналитический способ выражения императива: *Соос книга мед басьтозы, собере тӥледлы мед сётозы.* 'Пусть они купят книгу и отдадут вам'. *Со туннэ мед гыроз.* 'Сегодня он пусть пашет'.

В данных предложениях слушатель не эксплицирован, зато исполнитель *со / соос* 'он (она) / они' выражен местоимением 3-го лица сд. / мн. числа и в предложении выполняет синтаксическую функцию подлежащего.

Также аналитическим способом при помощи повелительной частицы *мед* образуется императив для ISg/Pl и 2 Sg/Pl. Частица *мед* во всех случаях является неизменяемой, а глагол имеет форму будущего времени: *1Sg мед мын(ом), 2Sgмедмынод;* 1Pl *мед мыномы,* 2 Pl *мед мыноды.*

Для 2-го лица в данном случае соответствует речевая формула I. Частотность употребления этих форм по сравнению с речевой формулой I практически одинакова, что нельзя сказать о 1Pl/Sg , поскольку коммуникация предполагает наличие двух собеседников как минимум, а существование форм 1-го лица можно объяснить как волеизъявление относительно самого себя.

Далее по аналогии можно представить и следующие речевые модели: *III. А – Говорящий (≠ Прескриптор) – Б – Слушающий (=Исполнитель),* что четко вырисовывается в следующих предложениях:

1. *Анай монэ вераны косӥз, дорын дырыз дырья, пе, мед луод.* 'досл. Мама меня просила передать: будь дома вовремя', где *анай* – прескриптор → *монэ* – транслятор → 2Sg – слушатель-исполнитель. Как мы видим из примера 1, чаще всего формы III типа передаются посредством косвенной речи с помощью каузативного глагола *косӥз,* который вводит прескрипцию, представленную во второй части предложения по типу речевой формулы II. Важно наличие частицы *пе* (буквально непереводима), которая означает, что прескрипция передается транслятором со слов другого (лица-прескриптора). Транслятор представлен эксплицитно – местоимение 2-го лица единственного числа в косвенном падеже.

2. *Анай тонэ дорын дырыз дырья луыны косӥз.* 'Мама просила тебя

быть дома вовремя'. В этом предложении речевые роли те же самые, но примеры 1 и 2 отличаются тем, что в первом каузация представлена аналитической глагольной формой (частица + глагол 2Sg) в повелительном наклонении, а во втором – волеизъявление в косвенной речи с каузативным по своему лексическому значению глаголом *косйз* + инфинитив *луыны* 'быть', который несет в себе семантику прескрипции. Транслятор представлен имплицитно.

Формула *IV, где А – Говорящий (≠ Прескриптор) – Б – Слушающий (≠ Исполнитель),* представлена в речи довольно обширным контекстом, где каждой речевой роли отводится свое место (а их здесь будет 4) и выражается описательно посредством сложных синтаксических неповелительных конструкций, но которые в целом имеют побудительное значение.

Кроме того, в состав вышеназванных средств передачи волеизъявления можно включить наречия (типа *Азьлань!* – 'Вперед!') и т.д., которые называются эллиптическими или безглагольными конструкциями и характеризуются отсутствием императивной формы глагола, называющей каузируемое действие [8: 173–175]. Основной формальный признак – повелительная интонация. Вследствие последних характеристик, а именно отсутствия глагольной словоформы и соответствующего морфологического оформления, данные формы не могут быть отнесены к центральной зоне поля императивности.

Периферийную зону побудительных средств в удмуртском языке, несомненно, заполняют такие якобы императивные высказывания, в которых сказуемое выражено причастием на *-оно/-ёно.* С точки зрения прагматики в данных высказываниях отсутствуют роли говорящего и слушателя, и из трех элементов (говорящего, слушателя и собственно каузируемого действия) здесь присутствует лишь последний: *Туннэ лапасэз лип-оно.* 'Сегодня надо покрыть крышей сарай'. Хотя вышеуказанные элементы могут быть представлены в авторских ремарках: «*Туннэ лапасэз лип-оно*» (каузируемое действие) – *шуиз Петыр Иван* (говорящий) *Васялы* (слушающий). – '«Сегодня надо покрыть крышей сарай», – сказал Иван Петрович Васе'. С морфологической точки зрения причастия или другие неизменяемые формы глагола лишены грамматических категорий лица, времени, наклонения в силу своей грамматической природы. К тому же интонационно данные высказывания оформляются более ровным тоном, чем это характерно для подлинно императивных. Поэтому из-за своих ограниченных возможностей и отсутствия формальных показателей императивности будет целесообразно отнести подобные предложения к группе периферийных форм передачи императивности, но несомненно то, что они являются одним из многочисленных способов передачи побуждения.

Таким образом, в удмуртском языке широко представлены способы выражения побуждения. Естественно, что основным является императив-

ная глагольная форма 2-го лица единственного и множественного числа. Но нельзя отрицать и наличие многочисленной периферийной групп средств передачи побудительности, таких, как различные эллиптические и причастные конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бирюлин, Л.А.* Императивы в акте речи / Л.А. Бирюлин // Лингвистические исследования: Грамматические категории в разносистемных языках. – М.: Наука, 1985. – С. 28–36.

2. *Бондарко, А.В.* К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные конструкции / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 80–90.

3. *Виноградов, В.В.* Современный русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1938. – Вып. 2. – С. 459.

4. Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – С. 22–35.

5. *Лыткин, В.И.* Пермские языки: Введение / В.И. Лыткин // Языки народов СССР. – М.: Наука, 1966. Т. 3. – С. 270–274.

6. *Микушев, Р.А.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.А. Микушев. – Йошкар-Ола, 1992. – 19 с.

7. *Тепляшина, Т.И.* Удмуртский язык / Т.И. Тепляшина // Языки народов СССР. – М.: Наука, 1966. Т. 3. – С. 275–279.

8. *Ушаков, Г.А.* Текстообразующие функции удмуртских междометий / Г.А. Ушаков // Вопросы грамматики и контактирования языков. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – С. 39–44.

9. *Храковский, В.С.* Семантика и типология императивных конструкций: Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Л.: Наука, 1986. – 360 с.

10. *Храковский, В.С.* Типология императивных конструкций / В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 1992. – 315 с.

В.Ф. Рогожина
Саранск

ПОНЯТИЕ О СТРУКТУРНЫХ ТИПАХ ПОДЛЕЖАЩЕГО В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ
(на примере художественных произведений)

Как известно, подлежащее в мокшанском языке – это главный член предложения, который обозначает предмет речи и отвечает на вопросы именительного падежа (номинатива) *кие?, кит? 'кто?', мезе?, месть?*'что?' и на вопросы отложительного падежа (аблатива) *кида?*'кого?', *мезьда?*'чего?'. Подлежащее, как правило, отвечает на общий вопрос: о чём (о ком) говорится в предложении? Например: *Вага коса* ***Вирявась?*** [4: 112). 'Вот где ночевала покровительница леса'. О ком говорится в этом предложении? – *О Виряве* (покровительнице леса). *Вирява* – подлежащее (состоит из одного слова), обозначает предмет речи. Иногда одного общего вопроса для